

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЕЙ ЖЕНЕ

"Я крепко стою на ногах, потому что моя опора - ты!"

Андрей Навойчик

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ТРЕХОЧКОВЫЙ
В СЕРДЦЕ

18+

Андрей Андреевич Навойчик Трёхочковый в сердце

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38975331

SelfPub; 2018

Аннотация

Драмы в спорте случаются каждый день, порой они приводят к трагедиям, реже – романам. Что, если у баскетболиста вдруг выбьют «паркет из-под ног»? Воздух, которым он дышит, больше не будет звенеть овациями беснующихся фанатов, а стук мяча и шепот сетки кольца заменит гробовая тишина одиночества? Любовь и секс, дружба и предательство, победы и поражения, одно решение и один бросок под финальную сирену жизни – Трёхочковый в сердце! В оформлении обложки использована фотография от источника Joseph Abe-Bell "Streetball Nation" с сайта pinterest

Содержит нецензурную брань.

ТРЁХОЧКОВЫЙ В СЕРДЦЕ.

Автор: Андрей Навойчик

В песнях, до дыр затёртых, на дорожках плей-листа моего телефона, постоянно проигрывается, что мне не стоило за это браться, ведь эту историю не расскажешь вкратце. Маленькими бусинками в моих ушах, они раз за разом твердят, что у меня всё плохо, хоть этот текст выходит грустным ненавроком. И тем не менее искусственными чернилами, строчки легли на бумагу, повествуя о событиях давно минувших. В чём-то получилось слишком правдоподобно, однако, только тебе, читатель, дано решить насколько. Как в плохом противопоставлении, некоторые отрывки вышли достаточно личными, а другие наоборот – обезличены. Порой, вам будет откровенно скучно разбираться в витиеватостях и тонкостях спортивной терминологии, которая мне и самому уже опостылела. Но за годы проведённые в изнурительных тренировках и многочасовых переездах от зала до зала, я пропитался ею насквозь, будто просеяв через вереницы сплетённых ниток ДНК, оставив сомнительное наследие потомкам. В этой истории очень много отсылок, скрытых намёков и сильных пародий, некоторые весёлые и милые, другие до тошнотворности мерзкие, сосчитать каких больше у меня не получилось. Возможно, вам захочется пронестись по страницам романа, проживая каждый восклицательный знак вместе с героями, мне бы не хотелось, но это моя жизнь, так что

пришлось. Единственное, я могу обещать – добравшись до середины пути, вы не заметите как перевернёте последнюю страницу. Правда, и мне остаётся на это только *надеяться*.

ГЛАВА 1. ТОГДА.

«УПАВШИЙ СОЛДАТ»

*« Пусть ты не боксёр, что дерётся на ринге,
Тебе не близки реверансы судьбы,
И как герой, в плохой очень книге,
Ты был на коне, что встал на дыбы!
Неважно как бьёшь, а важен удар,
Который ты держишь, сражаясь с врагами.
В глазах разжигая тигриный пожар,
С колен поднимаясь своими ногами. »*

Он знал, что такое удар. Не бойцовский, что призван выявлять виновников спора, призывая к урегулированию возникшего недопонимания. Такой, либо наносишь, либо держишь, ему, тогда, больше нравился третий вариант. Ты выпрямляешь плечо, рука быстро скользит в воздухе, рассекая сантиметры пространства, разгибается локоть, следуя импульсу соразмерного такту движения и направленная кисть, раскрывающаяся в сторону – указующий перст, отправляющий мяч вниз, быстрый полёт... Удар!

И ради этого звука он жил. Многие бы не согласились,

фанаты игры – спорили и осуждали, попирая извечным постулатом, что нет слаще ощущения, чем шелест мяча, проходящего сквозь кольцо и сетку. И были бы в чём-то правы. Но это именно шелест, шептание любимой, благодарность на утро после бурной ночи, когда ты знаешь, что всё сделал правильно. Это награда, которая щекочет твоё самолюбие, которая отразится в итоговом протоколе, как результативное действие и очки в пользу команде – групповая заслуга. Но удар мяча о паркет – это только твоё. Раз за разом, быстрее, энергичнее, сильнее, жёстче, смена положения и всё повторяется вновь. Иногда ты сбавляешь темп, притормаживаешь, чтобы перевести...его, с руки на руку, или за спиной, сделать разворот. Как позиции в сексе, ты меняешь скорость и положение тела для достижения скорейшего результата. При плотских утехах, и при ведении мяча ты проделываешь всё это быстрее и тем результативнее, чем больше у тебя опыта и мастерства. Он любил контроль, то чувство власти и владение ситуацией, которое давал мяч, находясь в его руках, словно женщина доверившаяся, но не отдавшаяся. Каждым своим поступком ты должен заслужить расположение, ведь только тогда, она позволит обуздать её страсть и подарит тебе высшее наслаждение. Как и с любой женщиной, с мячом нельзя было расслабляться, пускай ты уже и одел ей кольцо, и может даже несколько раз, но стоит только моргнуть и она уже в других, более крепких или просто более проворных руках, мчится в противоположную от тебя сторону.

Вообще баскетбол для Ника имел слишком много схожих параллелей с сексом и женщинами, ведь первое, и второе он любил не меньше чем игру, хотя, пожалуй, только применительно к ней использовал слово на «Л». Спалдинг, Молтен, Найк и Вилсон – это были его: брюнетки, блондинки, шатенки и рыженькие. Каждое набранное очко, как очередная постельная баталия – оргазм полученный «совокуплением» общих усилий. Да, сейчас футболисты и хоккеисты хором выдохнули, ведь забить гол или два за час, а то и полтора, действие результативное и скорострелом никто не назовёт. Но лев может до шестидесяти раз за пару часов, а он, на минуточку – царь зверей. Звук мяча проходящего сетку – стон блаженства удовлетворённой женщины. Скрип кроссовок о паркет, как скрип мебели, расшатываемой во время акта. Капли пота, стекающие по мускулистому, разгорячённому телу, тяжёлое и прерывистое дыхание, замирание сердца и созерцание летящего мяча, как изгибающаяся, обнажённая женщина, хватающая ртом воздух в беззвучном стоне. Но мяч ударился о душку, девушка раскрыла глаза в немой претензии о потере ритма и не полученном удовлетворении, ты подхватываешь её и подбираешь его – пластинка заново проигрывает заезженную дорожку. И хотя в баскетбол: мужчины играют с мужчинами, а женщины с женщинами, ничто не мешает одним любоваться на вторых и наоборот. Жаль только в сексе нельзя попросить замену, хотя он частенько менял партнёрш, но никогда партнёров, может оно и к луч-

шему.

И только удар, удар мяча был за гранью всего этого, как отдельный вид секса. Не зря, умудрённые опытом тренера частенько называли это «баскетбольным онанизмом», опошляя отношение Ника к этому действию. Непередаваемое чувство, даже не ощущение, зыбкая дымка, мираж действительности, соскальзывающего с кончиков пальцев мяча, оно настолько тонкое, что ты почти не чувствуешь разницы между сильным толчком и лёгким проскальзыванием. Как не осязаешь разницы между дразнящими щипками и нежными поглаживаниями в равной степени приносящими удовольствие, маленькими пупырышками «гусиной кожи» под кончиками подушечек пальцев, обрамляющими ореол возбуждённого соска. Поэтому он никогда не держал удар, а всегда наносил. Ведь лучшая защита – это нападение. Удар, ещё удар осталась пара шагов и заветный гол. Возможно, поэтому для него всё так и сложилось.

Когда череда событий переплетается, затягивая тебя в водоворот страстей, люди называют это судьбоносным поворотом, для Ника это было лишь начало пути. Без преувеличений, вся наша жизнь – дорога, и это избитая классика. В ней есть остановки, дорожные приключения, случайные попутчики и вышеупомянутые – повороты. Некоторые из них как развязки на автострадах, просто гоняют тебя по кругу, заставляя вернуться назад, другие ведут в неизвестном направлении, где уже не справиться без посторонней помощи

или навигатора, а есть настолько крутые, что, не справившись с управлением, ты на всех порах летишь в отбойник. И, как правило, последние, хуже всего, они не несут в себе движения, не ведут к какой-либо цели, они останавливают круто и, простите за тавтологию, бесповоротно. Ты остаешься у «разбитого корыта» один, даже если вёз попутчиков, эвакуатор не возьмёт лишний груз, а он тебе и не нужен преисполненный злостью и ненавистью к самому себе и на жизнь, ты просто не видишь никого вокруг, даже если у них благие намерения.

Сегодня Ника ждал – грандиозный день. Финал чемпионата, последняя глава юношеской жизни, и пускай тебе только двадцать два, уже сегодня перед ним будут расстелены любые пути, хотя тогда он ещё не видел всей иронии. Всё в этот день должно было быть просто, и если бы это был розовый дневничок девочки подростка, можно было бы написать – совершенно волшебно. Не смотря на присущий ему скептицизм, в Нике жила изрядная доля романтика, выращенного на историях об авантюризме трёх мушкетёров и возможности выиграть баскетбольный матч, растягивающейся через всё поле рукой в духе Майкла Джордана из «Космического баскетбола». Поэтому он мнил себя таким Мистером Фантастик с самурайским мечом за пазухой. Хотя последний канул в лето вместе с: широкополой шляпой, сапогами и красным плащом, в коробку для детсадовских утренников. И больше не доставался даже на Хэллоуин, даже «по

приколу», окончательно уступив место кроссовкам от Найк и майкам с номером «двадцать три». Тем не менее, мечтателя, в сердце двадцатидвухлетнего паренька, всё ещё хватало, и сегодня он собирался дать ему волю и перестать только мечтать, ведь перспективы воплотить иллюзорные выдумки в жизнь, казались куда как заманчивее.

В его планах на жизнь не было ничего сверхъестественного, по крайней мере, Ник так считал, здраво рассудив, что прилагая все свои силы, терпеливо занимаясь любимым делом, ему рано или поздно воздастся за все старания, и пролитые труд, пот, кровь и слезы, хотя нет, только за труд и пот. Как все мальчишки, с раннего возраста фанатеющие игрой Его Воздушеста, он мечтал играть в Национальной Баскетбольной Ассоциации, бороться с лучшими из лучших за легендарный кубок О'Брайена, и в конце концов обыграть Майкла Джефревича (ему много позже сказали, что американцы не используют отчество, в классическом его понимании) один на один. Конечно, взрослея, и понимая текущую расстановку сил и приоритетов, были внесены некоторые поправки. Теперь он хотел обыграть Коби Брайанта и Леброна Джеймса, хотя по его собственному убеждению ни первый, ни второй не могли тягаться с кумиром детства, но тот давно закончил карьеру, как собственно и совсем недавно, отошедший от дел «Чёрная Мамба». Что бы попасть в НБА, нужно было драфтоваться, проще всего через систему американских колледжей, конечно, относительно «Окна из Ев-

ропы», но конкуренция не шуточная была бы на любом этапе. Его это не смущало, он уверенно шёл к намеченной цели, пускай у него не было за плечами стажировки в именитых баскетбольных школах, но родители с радостью финансировали все детские соревнования, куда могло вырваться их чадо, позже помогли перебраться в Америку, чтобы окончить старшую школу, и поступить в университет. Получить гранд на обучение или спортивную стипендию стало делом техники. Конечно, сразу он не попал на обложки таблоидов и в студенческом спорте о нём не заговорили, как о втором пришествии «белого Джордана», на это нужно было время. Он попал не в самый сильный колледж, зато в его штате находились команды соперники из элитного дивизиона.

Спустя год, ему предложили сменить университет, чтобы «раскрыть свой потенциал» и «выйти на национальный уровень». Решение не заставило себя ждать, и уже в новом сезоне он защищал цвета бело-голубых, но не «Динамоцев», да и двадцать третий номер уже был увековечен под сводами игрового зала команды другим, более именитым, пока, предшественником. Теперь цели и перспективы вырисовывались, куда как отчётливее, и до заветной мечты оставалось каких-то пару лет плодотворной работы. Сейчас команда играет финал мартовского безумия. Он – один из десяти игроков, которых выберут первыми на драфте этого года, и это уже неизменно, вот только ему этого было недостаточно. Весь этот путь, все труды были положены не ради топа

десяти, не ради попадания в мартовское безумие, нет! Как раз наоборот, попадание в студенческое плей-офф, лишь для того чтобы выиграть чемпионат, и рейтинг десяти, тридцати или пятидесяти лучших спортсменов, только для того, чтобы его возглавлять. Ник никогда не искал полумер и не довольствовался малым, иначе и живешь так – на половину, делаешь домашку, чтоб отстали, смотришь кино, чтоб не разбудить соседей, и любишь простушку из параллельного класса. Немного детское описание, но ему пришлось рано уехать от родителей и формировать свои взгляды на простых и доступных примерах. Именно поэтому, он буквально понял: «Что лучше голодать, чем, что попало есть, и лучше быть одним, чем вместе с кем попало!», слишком поздно осознав, что основная идея философии была в другом. В его случае опыт объяснил доходчиво, но взял дорого, может даже чересчур. Всё что ему было нужно сейчас, находилось здесь, сегодня в этом месте и времени, и он собирался взять это – огнём и мячом.

...

Конец игры. Секундомер ведет обратный отсчёт. Цифры на табло фиксируют отставание в одно очко, команда Ника проигрывает. В его руках мяч. Судьи за столиком выключают рамку «двадцати четырёх секунд». Это последняя атака. И он будет решать исход поединка. Трибуны замерли в ожидании. Даже болельщики соперников ничего не кричат. Гробовая тишина. Тренер не пытается скомандовать какую-ли-

бо комбинацию. Все решит Ник, так заведено. Партнеры по команде расступаются, предоставляя больше пространства для манёвра. Соперник наоборот – сбивается в кучу, жмётся внутри трёхочковой зоны. Они боятся. Потому что знают – станут шире, он обыграет, а так есть возможность его повязать во время прохода и вынудить отдать мяч на периметр для дальнего броска, а там – шансы будут в их пользу. Ник спокоен. Мяч уверенно стучит о паркет. Он наслаждается этим звуком. Ведь в тот самый момент Ник договаривается со своим вечным сферичным другом. Он заговаривает мяч, чтобы тот его не подвел. Удар, ещё один. Ник начинает серию переводов, раскачивая соперника, с каждым шагом приближаясь к заветному кольцу. Его коронный проход вправо, все это знают. Он ныряет в зону в первый раз, что бы зацепить, и потащить сеть защиты за собой. Потом переводом за спиной и эффектным переступанием (старый, добрый «step back», как его тут величают) Ник отскакивает назад, представляя защиту перестроиться и метнуться за ним в след, перекрывая дальний бросок. И тут, наступает момент главной лжи. Сблизившись с защитником, он уходит влево, позволяя им поверить, что они справились, загнали его в ловушку, заставили пойти в слабую сторону. В эту секунду Ник их и подсекает, вытаскивая на берег, как заправский рыбак. Последним движением, как раз, перед тем как всем покажется, что сдвоившись на нём соперники остановили проход и деваться некуда. Он сделает убийственно быстрый и резкий перевод с

руки на руку (так же известный как – dead crossover), низко пронеся мяч под самым «носом», только рукой, у оппонента. И обрезав их, освободив себе пространство, как нож сквозь масло прорвется в дамки, принеся команде победу.

Его коронный проход, он это знает, соперники, болельщики и все кто с замиранием сердца смотрел на него у голубых экранов. Поэтому Ник сделает все по-другому. Он не будет раскачивать защиту, не будет прорываться, жонглируя обманными маневрами, пытаться запутать всех окружающих. Одна игра. Одна атака. Один бросок. Последний бросок («The Last Shot» – введите в гугле и вы поймёте к чему он клонит). С него Майкл Джордан начал свой взлёт. И им же он его и закончил. Почему Ник не мог повторить этот успех? Он будет стучать до последнего, до того самого момента, когда болельщики схватятся за волосы, в ужасе осознавая, что времени ни осталось. До того мгновения, когда соперники, облизнувшись, почувствуют вкус уже скорой победы на губах. И только Тренер будет стоять, сложив руки на груди, хладнокровно поправляя очки в тонкой оправе. Он, как и Ник, будет знать, и более того – разделять триумфальную значимость этого момента. Несколько секунд будет отделять его от ключевого события в собственной баскетбольной биографии. За три секунды до sireны (ещё одно историческое туше в спортивный архив американского «щита и мяча») Ник бросится влево, собирая всю защиту и подстраховку на себя, и в самый крайний момент, в тот самый, когда ему уже неку-

да будет деваться. Он делает разворот назад, словно меняя направление радикально на триста шестьдесят градусов, но сохранит опорную ногу не оторванной. Правда, у соперника не будет времени обратить на это внимание. Они ринуться на обманное движение, не задумываясь, что это только подготовка к настоящему финту. Ник лишь имитирует элемент разворота на бросок, и в момент, когда соперники покупаются за чистую монету на этот обман, освобождая ему столь желанное пространство. Он, возвращаясь в исходное положение обратным движением, совершает средний бросок, лишь слегка отклоняясь назад, компенсируя инерцию и избегая невозможного (перестраховываясь) блок-шота. Мяч соскальзывает с кончиков пальцев. Взмывает вверх, набирая идеальное вращение. Зрители замирают в немом ожидании. Все провожают этот полёт, жадно следя глазами и моля бога, каждый о своём. Мяч достигает пика своей траектории. Звучит сирена, предрекая неизбежную судьбоносность этому броску. Мяч начинает опускаться к кольцу.

...

Он открывал глаза по-разному. Это могло быть в пять утра под судорожный рёв возвращающихся из бара фанатов, или в обеденное время, всё ещё нежась в постели, если до этого с ними же и кутил. Он вообще мог не смыкать глаз сутки или двое, сваливаясь, потом, в объятия первого подобия кровати, реже – красотки. И так же в них просыпаясь. Иногда Ник закрывал их на минуту – другую, чтобы не ви-

деть происходящего, или наоборот открывал на те же минуты, убедиться, не пропустил ли чего интересного. В это утро, поднимать веки ему было стыдно. С одной стороны тренировочный график был уже давно выработан, и, казалось бы, организм должен был привыкнуть, но нет. То самое тонкое ускользающее ощущение, как при ударах мяча, так и сейчас только – неправильности происходящего. Хотя, пожалуй, это неверное сравнение, скорее привкус неправильности, как волос, оказавшийся в вашей еде, и скрежещущий на зубах, или, быть может, так в нём говорило похмелье. Его любимый отечественный автор писал, что скверная повесть всегда начинается с пьянки главного героя. Так что либо история Ника собиралась стать хуже некуда, либо не такой уж он и герой.

Вчера была знатная тусовка, много музыки, танцев, алкоголя и секса. Не в смысле, что напившиеся студенты устроили оргию на танцевальной площадке, нет, он витал в воздухе, словно аромат духов, пробивающийся сквозь палитру из пота, дыма и спиртного. Они прошли в финал, событие не рядовое, для университета с такой историей, но и не исключительное, хоть и безоговорочно приятное. Все хотели быть ими вчера, на это смотрела вся страна, ну или большая её часть, соперники хотели быть на их месте, журналисты хотели взять у них интервью, болельщицы просто хотели их. Прошлой ночью они были лучшими друзьями всех незнакомцев и желанными гостями в списках, где даже не было их фамилий. Но наступило утро, эндорфинное безумие

прошло, оставив только пустые бутылки, чьи-то стринги на паркете и тошноту. Ник почти слышал, как его зовет ванная комната, леденящий шёпот холодной воды и успокаивающая белизна унитаза. Но привкус неправильности, стоял особняком от всех позывов и ощущений, он крутил живот, перемешивая рвотные позывы с местом, где ютится страх. И это было не естественно, для Ника. Он, конечно, не был рыцарем без страха и упрёка, но предстартовый мандраж остался где-то в далёком подростковом возрасте, вместе с прыщами и случайными эякуляциями. Сейчас он туго засел внизу живота, выталкивая наверх вчерашнюю пиццу и коктейли.

Ник у еле удалось натянуть игровые шорты, бог весть, откуда взявшиеся под рукой и добежать до туалета. Можно было бы назвать его снайпером, за хороший дистанционный бросок, но желудку об этом, видимо, никто не сообщил, либо он сам не решил, куда метить в биде или классический толчок, но донести «не расплескав» у него не получилось: «Минус пять очков Гриффиндору», написали бы в интернет мемах услужливые папарацци. Вряд ли Ник об этом беспокоился. Свидетелем его конфуза мог мыть только сожитель по комнате конголезец Кевин, который заснул вчера на диване в холле, и его ещё надо будет забрать перед тренировкой, чтобы не нарвался на кого-нибудь из тренерского штаба, а всё остальное безмолвно уберет сервис-служба гостиницы, до их прихода с пред матчевой бросковой разминки.

Он вышел из ванной комнаты спустя минут десять, слег-

ка умыв лицо и сполоснув рот, и взгляд сразу же наткнулся на красивое нижнее женское бельё, раскинувшееся у входа в спальную комнату. Оно именно раскинулось, не как покрывало, застелив собой предметы интерьера, нет, это были акkuratные и очень соблазнительные женские трусики, применительно к попке, которую они прикрывали просто, сорванные, вчера, в порыве пьяной страсти, они словно сами выбирали куда бы им прилечь, что бы на них сразу обратили внимание, в отличие от их «хозяйки», которая, видимо этого выбора была лишена или не в состоянии его сделать. И сразу стало понятно, почему «не дошёл» до номера Кевин, точнее не непонятно, а вспомнилось, и череда событий вчерашнего вечера выстроилась в последовательную цепочку. Потому что на кровати, зарывшись в облака из скомканных одеял, и его майке на голое тело, лежала Кира.

Она приехала вчера, с очередным автобусом болельщиков, точнее они приехали с ней, если вы понимаете разницу. Кира была сто процентным доказательством тесноты огромного мира, и неспособностью вывезти деревню из девушки, вывозя девушку из деревни, хотя в её случае, дурно повлиял как раз мегаполис. Но это абстрактное замечание никак не характеризующее её мировоззрение. Она была практически эталоном славянской красоты, наверняка, где-то в мире, и были девушки симпатичнее, но он таких до сих пор не встречал. Кира была абсолютно прекрасна... анатомически. Гладкая, без преувеличений, бархатистая кожа идеального

молочно-шоколадного оттенка, искусственно выведенного в солярии и отполированного до блеска различными маслами и кремами на курортных побережьях всего мира. Абсолютно симметричные контуры тела, отчётливо прорисовывающиеся под любой одеждой и тем более – её отсутствием. Чёрные, как нефть, смоль, и вороново крыло вместе взятые, волосы, длинные и тяжёлые, растекающиеся по ней как нуга тёмного, густого шоколада. И хотя она любила ходить с распущенными, так она выглядела как сексуальный супергерой, завернувшийся в плащ из покрывала ночи. Ему больше нравились заплетённые в воинственный, остроконечный тугой хвост, подчёркивающий высокие, словно отшлифованные скулы. Сейчас её глаза были закрыты в полудрёме, но под сладко смеженными веками таилось безоблачное зимнее небо, обрамленные ресницами, они как голубое око Саурана, способны были выжечь тебя дотла, только с противоположным эффектом. Его взгляд метался от маленького аристократического носа, до заманчивого выреза под майкой и мерно вздымающейся грудью, вниз к босым и бесконечно длинным ногам и обратно вверх, к полным, сладко приоткрытым губам. Как в давно забытой песне «створки две ворот от рая», её рот способен был ласкать тебя, обволакивая нежными лепестками, улаживать твой слух, или крушить Рим, сжигать Лондон и отправлять бостонцев на очередное чаепитие. При этом ты готов был бы простить ей всё, что угодно лишь бы увидеть мелькающий контур её обна-

жённного тела. Она без сомнений была Ламборджини среди женщин. Новым коллекционным спорткаром, обладать которым может себе позволить не каждый. Правда не каждому это и нужно, кто-то фанатеет от Феррари, кому-то подавай практичный Фольксваген, а некоторые загоняют в гараж свою притёртую «девятку» и счастливо спят по ночам. И для Ника – Кира подходила идеально. Она не была полумерой, она была той самой крайностью, граничащей с безумием, которую он так искал.

Есть женщины дешёвки, да простят меня феминистки, есть стОящие и стоЯщие, ради одних ты готов раскошелиться, а из-за вторых – вынужден, есть те, кто знает себе цену, и те, кто этой цены не имел. На последних мы, как правило, женимся и счастливо страдаем, выплачивая брачный кредит, по немислимым процентам, до конца своих дней. И это стоит каждой проведённой секунды с ТАКОЙ женщиной. К счастью или нет, Кира знала себе цену, и она была оправдана, хоть и непомерно высока.

Иногда, рядом с ней Ник чувствовал себя дорогим аксессуаром идеально подобранным под вечернее или выходное платье. Но это было лишь в те редкие дни, когда они выбирались за территорию кампуса, или в экзотических местах во время летнего отдыха. Потому что в любой другой день, именно Кира являлась венцом его превосходства. Когда он вечерами выходил из спортзала, после тяжёлой тренировки, и она встречала его у дверей, прохожие студенты и препода-

ватели, спешащие домой к семьям или в общежитие к друзьям – знали, кто он и кто рядом с ним, завидуя и желая оказаться на его месте. После матча, восторженные трибуны ещё скандировавшие имя жадно смотрели, как Кира выбегала к нему на площадку и Ник кружил ту в объятиях и страстном поцелуе. В этот момент несколько тысяч болельщиков и болельщиц проклинали и боготворили, восхищались и ненавидели, но не могли остаться равнодушными. Он любил славу и упивался ею. В такие минуты Ник не всегда или не до конца понимал, кто кого больше использует, и есть ли тут место реальным отношениям, или это просто взаимовыгодный трах на волне всеобщей популярности. Но ему точно нравилось обладание таким «трофеем», как награда за выигранный матч.

Ник смотрел на неё, снова и снова, ловя себя на мысли о тесноте мироздания. Они были настолько разные, слишком самовлюблённые, или скорее само-заикленные, чтобы разглядеть друг друга в толпе, и уж тем более найти друг друга на другой стороне планеты. Как ни странно, но судьба словно сталкивала их вместе, пускай не лбами, но вскользь, словно навеяв: «Оглянитесь, посмотрите по сторонам, вот же вы – совсем рядом!». Её отец был успешным бизнесменом, и владельцем одной из баскетбольных команд, что играла на родине Ника. Он тогда был мальчишкой не так давно, взявшим в руки мяч, но лидеров своего, местного чемпионата знал в лицо, и старался их игры не пропускать. Отец часто брал

Киру с собой, и пускай куклы и побрякушки её, в то время, заботили больше баскетбольных мячей, что со временем не так уж и изменилось, но это была первая возможность, познакомиться уже тогда. Но кто-то любил блестящие короны для принцесс, а кто-то – игру, может и хорошо, что некоторые вещи остались неизменными. Как водится, деньги в Кириной семье водились. Семья Ника тоже не бедствовала, но и к состоятельной элите не относилась. Поэтому запросы и желания у них были разные, хотя вкусы во многом совпадали уже тогда. Они пару раз пересеклись в Испании, куда Кира ездила отдыхать с родителями, а Ник в тренировочный лагерь, и потом в Чехии, где она была с подругами в туре по архитектурным памятникам истории, а он на международном турнире. Они даже не знали как часто и как близко они были друг с другом. Но самым ярким совпадением, конечно же, стал колледж. Какова вероятность из огромного множества вариантов по заграничному обучению выбрать не «Лигу Плюща» или европейские гранды типа: Оксфорда, Кембриджа или Сорбонны, а рядовой американский университет, пускай и славящийся своими баскетбольными успехами. Возможно, именно детские воспоминания и сыграли ключевую роль, где-то на подсознательном уровне. Она выбрала отделение журналистики и спецкурс спортивного менеджмента, для расширения кругозора, а Ник – историю, справедливо рассудив, что о спорте он и так знает достаточно, но вот про менеджмент надо бы послушать, ну, а дальше вы

уже догадались. И только на бессчётных свиданиях, рассказывая друг другу обо всем и ни о чём, они, смеясь, замечали, как часто шли мимо, от казавшихся очевидными, тропинок судьбы. Только Ник прекрасно понимал, что не в судьбе дело. В современном мире слишком многое решал социальный статус. И круг твоего общения всегда ограничивался набором тех качеств, которые ты нёс сам. Богатые общались с себе подобными, умные держались в сторонке, бедняки молча завидовали. Дальше каждая каста делилась внутри себя на ряд таких же группок или подгрупп, куда добавлялось чуть больше характеристик: красивые и влиятельные, смешные и популярные, сильные и независимые. Кира была обеспечена и красива, Ник – умен, популярен, местами весел, и уж точно не урод. Что в совокупности, позволяло ему нивелировать разницу в банковском счёте, а ей давало возможность повисить своё влияние. Не то, чтобы Кира, любила получать отметки за красивые глаза, но грехом считала не пользоваться, такими данными. И если, принципиальных престарелых преподавательниц, не трогал вырез её декольте и длинна юбки, то против очарования парня, искренне сетующего за успеваемость подруги, было невозможно устоять. От этого их отношения не становились меркантильными, имея выгоду друг с друга они, помимо прочего, отлично имели друг друга. И этого было достаточно.

Он подошёл ближе к кровати, не зная, чего хотелось больше, сорвать с неё одеяло и остатки одежды, или всё тоже са-

мое, но аккуратно и чувственно. Ник присел и наклонился ближе, то ли обнимая, то ли в попытке поцелуя. Ему всегда нравилось, как она пахла: дорогие средства для ухода за кожей и лучший парфюм, это было удовольствие, расплѐнное в воздухе. И в то же время он никогда не знал её настоящего запаха, что скрывалось под всеми этими маслами, кремами, штукатуркой и ваннами из «Шанель №5». Нет, конечно, Ник видел Киру без макияжа, и считал, что так даже лучше, но девушку не просто в этом убедить. Он никогда не чувствовал, как она пахнет без примесей посторонних распылителей и «освежителей воздуха». Ник знал, что после тренировки, мягко говоря – не благоухал, но двухразовый душ превращал его в свежесобранное тропическое нечто на этикетке шампуня. И наверняка, под всем этим скрывалось, что-то ещё, ведь мама всегда говорила, что он пах по особенному для неё. Вот и в Кире Ник искал тот самый особенный для него аромат, и не находил, скорее всего это фишка только для родителей.

Сейчас она пахла свежими простынями, хрустящими от крахмала, или чем там их приправляют, какими-то цветами, собранными и закупоренными в дорогие французские бутылочки, и теплом. Вы когда-нибудь чувствовали, как пахнет тепло, не жар на вашем лице и подгоревшие у костра волосы на руках, а тепло женского тела, которое ты осязаешь клетками кожи и впитываешь, как дым, втягивая в лёгкие, и согревая носовые пазухи. словно мускусное масло, протекающее через тебя прямо в горло, но не оставляя послекусие

недоеденных турецких сладостей, а прочищая и освежая, как вдох амфетаминов, только без вреда для здоровья и психики.

Она спала развратно, под всей это мешаниной из простыней, в ней не было того ангельского умиротворения на лице или в позе, которое обычно вызывает умиление у любимого человека, словно похотливый бесёнок, в каждом своём изгибе, или выглядывающей лодыжке, Кира выглядела вожаделенной и страстной. Ник приподнял одеяло, запустив руку ей под майку, аккуратно проводя по спине, спускаясь все ниже и ниже, он уже знал, что трусиков на ней нет, те словно подмигивали ему из прохода спальни комнаты: «Давай, смелее!». Он наклонился ближе, слыша звуки дыхания, и приоткрыв губы для поцелуя.

– Даже, не думай, маленький озабоченный блевун! – в одну секунду льдистые глаза Киры распахнулись, пронзая арктическим морозом, вот только его пальцы уже был внутри, и Ник знал, что эта холодность напускная.

– Дай мне минутку, вот так тебя лицезреть, и ты убедишься, что я ощутимо добавлю в росте. Разве моё пострадавшее тело не заслуживает, немного тепла и ласки, когда второе, такое очаровательное и бескорыстное тело, готово поделиться его излишком?

– Подхалимаж тебя не спасёт, я говорила тебе вчера не напиваться так. – она начала выталкивать слова с придыханием, растягивая гласные, а это значило, что он двигался в верном направлении. Кира становилась все горячее и податли-

вее с каждым его прикосновением, стараясь насадиться глубже, помогая себе движением бёдер.

– Я, всего лишь, как рыцарь, хотел уничтожить алкоголь, чтобы тот не нанёс непоправимый вред моей даме сердца. И хоть я пал в неравной борьбе дело, моё живо и тело, кстати, тоже! – Ник шутил, как всегда, стараясь играть на контрасте между эротичностью момента, Кириным недовольством, и своим бесстыдством.

– Ты дурак! – она уже почти стонала от удовольствия, когда один его палец ласкал её внутри, доводя до исступления желанием почувствовать в себе нечто большее, горячее и заполняющее, а второй нащупал заветный бугорок, который мог бы подарить ей так необходимую разрядку, но в самый неподходящий момент, коварно соскальзывал, прерывая нарастающее возбуждение. – Не прощу!

Она испепеляла его похотливым, вперемешку со злобой взглядом, в тот самый момент, когда он убрал руку от её лона, и готовый сорваться с губ стон удовольствия, лишь застрял ненавистным комом в горле.

– Я договорюсь. – сказал Ник, отбросив одеяло и спустился ниже, ведь его губы так и жаждали не случившегося поцелуя, Киры, кстати, тоже.

Она чуть раздвинула ноги, пропуская его в самый интимный уголок своего тела, Ник медленно прошёлся поцелуями по внутренней части, сначала правого, затем левого, бедра. Она слегка изогнулась, то ли от щекотки, то ли неболь-

шой судороги, предвещавшей скорое блаженство. Ник продолжал целовать, покрывая её лобок, опускаясь ниже, провел языком вокруг половых губ, очерчивая контур, словно художник, делающий наброски натюрморта на холсте. Лёгкими касаниями он ласкал клитор, вверх вниз, от кончика языка до почти его основания, на сколько позволяла длинна, снова круг у самой кромки входа и короткое проникновение, лишь, что бы ощутить жар и всю сладость её желания. Постепенно Ник наращивал темп, действовал не агрессивно, но с нажимом перейдя от трепетных касаний, к полноценным ласкам, Кира изгибалась всё сильнее, уже с трудом сдерживая в себе крики, вцепившись рукой в его волосы, она с нажимом придавила его к себе, желая чтобы сладостная пытка, наконец, закончилась, или не останавливалась вовсе.

– Больше не могу терпеть, иди ко мне! – она уже не говорила, рычала, требуя не просто ласк, а заполнения себя, ощущения единения двух тел в этом сладостном миге.

Кира практически вырвала его наверх, и не для того что бы он глотнул свежего воздуха. Она сразу же впиалась в него губами, ощущая солоновато-сладкий привкус собственных соков, во время поцелуя. Но уже было не до этих эстетических тривиальностей. Кира обвила его ногами, и Ник перехватив ту под спину, приподнял к себе, а потом кинул на кровать, одновременно войдя сразу на всю глубину. Она застонала от неожиданного рывка, наманикюренные ногти впились, очерчивая неровные бороздки на его спине. Ник про-

должал ритмично двигаться, то ускоряя темп, то замедляя и увеличивая длину проникновения. Уже было сложно отличить, где её стоны, а где их совместное рычание и сладострастные вздохи. Капельки пота попадали на Киру, обтекающая колышущуюся в такт движениям грудь. Иногда они падали на соски, и тогда Ник отрывался от поцелуев, чтобы «собрать росу с холмов удовольствий» и воздать должное двум прекрасным и дерзко торчащим, возбуждённым буграм. Как детские жевательные конфеты, такие сладкие и сочные, кажущиеся твёрдыми как леденцы, пока их не прикусишь, ощутив всю податливую мягкость. Он любил ощущать себя в ней, двигаться всё быстрее, и жёстче, слыша Кирины стоны и чувствуя извивания. Как она, пытаясь сдерживаться в предоргазменном крике, кусала его за плечи и грудь, а иногда душила этот крик в поцелуе, пытаясь протолкнуть его в Ника, словно поделиться этой какофонией наслаждения. Кира любила в нём эту мощь, с которой она ощущала его в себе, перекаты мышц, под горячей и солоноватой от пота коже, их бугристость и обманчивую мягкость. Моменты когда он расслаблял их останавливая движение и уже казалось, что на них можно откинуться и завернувшись в их мягкость блаженно уснуть, и ту же секунду они вздувались, и рвались наружу, как гоночный болид, обтекаемый и прекрасный в своей скорости и силе.

Она уже не сдерживалась, а кричала в голос. В какой-то момент Нику казалось, что удары их тел ведут не к экстазу, а

агони, но Кира продолжала цепляться за него, словно проникновений и поцелуев было мало и ей хотелось, чтобы они, прилипнув, прошли сквозь друг друга или срослись телами окончательно, а не слились в кульминационном блаженстве. Последним криком она выгнулась дугой, словно каждый сантиметр тела, поднятый вверх, пропорционально оттягивал взрыв оргазма. Кира не смогла тянуть дольше, рухнув вниз, её тело забило в мелкой дрожи, Ник дёрнулся в ответ и они кончили почти одновременно. Он продолжал двигаться внутри неё, хотя возбуждение понемногу спадало, и это чувство было сродни зыбкому, но прекрасному сну, проснувшись от которого, ты продолжаешь лежать с закрытыми глазами, что бы попытаться досмотреть финал чудесного миража.

– Мне нравится наш пьяный секс. – Нику нужно было, что-то сказать, он никогда не любил затянувшиеся паузы, и чувствовал себя неуютно, когда нужно было насладиться моментом тишины, а не мог.

– Я не так много вчера выпила, что бы не протрезветь до утра, да и у тебя с координацией было всё в порядке. – она повернулась к нему приподнявшись на локоть. Кира любила поболтать в такие минуты, как и любая девочка, которая жаждет внимания и комплиментов, особенно если знает, что была хороша и это заслуженно.

– А может, я опьянён тобой, снова. – Ник потянулся к ней для поцелуя.

– А может, ты опьянён любовью ко мне? – Кира слегка отстранилась, серьёзно глядя ему в глаза, она ждала ответа.

Черт бы побрал этих женщин, с их извечным пунктиком на этот счёт! Ник не имел предрассудков по этому поводу, просто не хотел спешить с громкими заявлениями. Всё-таки романтик в его душе считал, что слова о любви от него услышит только чемпионский перстень, мама и жена. Кира вполне могла стать последней, но сейчас этот разговор был совсем не к месту, хоть Ник и оттягивал его, как мог последние полтора года.

– Ты же знаешь, я люблю только троих: маму, папу и жареную картошечку. И при всём моём мастерстве жарить вас мадам, крутя лучше, чем шашлык на мангале, вы не скворчите и не запекаетесь до хрустящей корочки, но оно, наверное, и к лучшему. – Ник старался обезоруживающе улыбаться, понимая, что его маленькая ложь не пройдет бесследно.

Те трое, которых он упомянул как единственных, кого он любит, на самом деле, были: кольцом, площадкой и баскетбольным мячом. А уже потом все остальные, и в совокупности с его ответом, это, пожалуй, было двойным лицемерием.

– Ну, ты и мудака! – Кира натянула одеяло до глаз, пытаясь скрыть улыбку, у неё все-таки было какое-то подобие чувства юмора, но в глазах стояли слёзы. Она была не глупа и понимала, когда над ней плохо скрывается, но смеются, хоть он и не хотел, чтобы ей так казалось.

– Послушай, малыш, я ведь шучу, прости дурака, дорогая.

Ты же знаешь, ты одна в моем сердце, и больше мне никто не нужен. Ну, правда, а со своими, конченными шуточками, я завяжу, вот увидишь, только не злись. – кольцо, площадка, баскетбольный мяч, а уже потом все остальные. Ник врал, Кира была не глупа, но и не проницательна до той степени, чтобы понять, где его двойное лицемерие, переходит грань тройного.

– Не завяжешь, я тебя знаю. – она устало вздохнула, не желая продолжать этот, не начавшийся, и от того ещё более бессмысленный, спор.

– Ты права, не завяжу, у меня дурацкое чувство юмора, но я никоим образом не хотел тебя обидеть, прости, ладно?

– Проехали, мне надо в душ, чувствую себя тобой после очередной тренировки, благоуханием это не назовешь. – она приподнялась, заворачиваясь в одеяло, будто стесняясь своей наготы, хотя стесняться должны были все остальные, кто не дотягивал до установленного ею совершенства.

– Брось, ты отлично пахнешь, везде, мне ли не знать я только что везде в тебе и побывал. – Ника забавляла эта игра слов, с недвусмысленными пошлыми намёками, – Я могу составить, компанию, сэкономим отелю пару литров горячей воды, я потру тебе спинку, а потом кто-нибудь из нас уронит шампунь... Плюс, мне тоже скоро собираться на тренировку.

Кира уже была у двери в ванную комнату, одной рукой придерживая свёрток из одеяла, второй открывая дверь. Она оценивающе посмотрела на него, словно решая, продолжать

обижаться или подарить возможность на ис*сово*купление.

– Сколько у тебя времени? – Кира заговорщицки улыбалась, и можно было бы написать о бесноватых огоньках, разгорающихся в глазах, если бы они не полыхали синим пламенем.

– Для тебя – всё время мира. – лжец, лжец, лжец, но может быть, именно в тот момент, Ник не то чтобы врал, просто именно такие фразы в голливудских фильмах идеально подходили для романтичности момента.

Кира не стеснялась своей наготы, а умело её использовала, для своих – женских манипуляций. И Ник это понял, как только, скрывающее одеяло, свободно соскользнуло, описывая границы силуэта, упав на пол. Ей даже не надо было махать его пальчиком, магия такого магнетизма уже влекла и пробуждала в нём все низменные инстинкты. Он видел, в своей голове, как Кира ступает по холодному кафелю босыми ногами. Как открывая дверку душевой кабинки, она оглядывается, проверяя, преследуют ли её, или Ник лениво наблюдает, фантазируя о чем то своём. Как включается душ, естественно не той температуры, и, обдав холодной водой разгорячённую кожу, Кира отпрыгивает назад, убирая в сторону головку распылителя, но потом, дав воде стечь, все же подставляет себя под согревающие струи. Как они стекают от шеи, набираясь в ямочки ключиц и дальше, вниз, тонким ручейком проходя вдоль берегов великолепной груди, ниже по плоскому животу, к заветному треугольнику, и там, сры-

ваясь водопадом, летят вниз, прощаясь с холмиком половых губ. Как она обдает тёплым напором остывающие плечи и спину, которые так жаждут его объятий и прикосновений. Вода омывает их, даря секунды тепла, которое не должно прекращаться, но она уходит вниз, лишь мимолётно касаясь, упругих и выточенных великолепным мастером, бёдер. Каждый, кто видел Киру хоть раз, наверняка мечтал словить эти капли, стекающие вдоль её ягодиц, кончиком языка и, облистав, поднять их наверх, лаская наливную мягкость этой попки, ведя к пояснице и дальше по нежной гладкости загорелой спины.

Ник видел всё это одновременно и наяву, и, будто, в ускользающем видении. Рывком, поднявшись с кровати, он в секунду оказался в ванной комнате, рядом с душевой кабинкой. Кира вздрогнула, когда он вошёл к ней, словно испугавшись нежданного гостя, но они оба прекрасно знали, что это лишь элемент очередной игры.

Ник положил руки ей на плечи, нежно массируя, пока она поочерёдно поливала водой их обоих. Кира прильнула к нему спиной, практически сведя на нет то мизерное расстояние, что разделяло их тела. Они были словно кусочки мозаики в такие минуты, идеально подходившие друг другу. Каждая впадина или выемка соответствовала, выпуклости у другого, на каждый изгиб приходилась своя прямая и не глядя на разницу в росте их будто бы создали для секса друг с другом. Ник прошёлся руками вдоль всего Кирино-

го тела, лаская каждый доступный участок кожи. Здесь никакой мяч не мог с ней сравниться. Ткань её плоти сводила с ума, заставляя терять контроль, который он так любил на площадке. Она поддавалась каждой манипуляции, проводя любое его движение, какой-то частью своего сознания, стремясь за каждым прикосновением не только свободной рукой или взглядом, но и уголком души. Ник чувствовал в ней эту нежность, эту почти любовь, которая, порой просыпалась и в нём, или в них обоих в такие моменты. Это уже была не страсть, здесь не было места громким стонам, расцарапанным спинам и громким шлепкам. Все должно было быть, нежно, чувственно, уместно.

Она прогибалась, чуть приседая, и снова выпрямляясь, каждый раз, когда он, проводя руками вниз, делал обратное проглаживание вверх, ощутимо лаская его член своими ягодицами. Возбуждение нарастало, и Ник знал, что она уже достаточно мокрая, не пеняя на включённый душ. Кира приподнялась на носки, прогнувшись, как кошка в сонливом потягивании и желании содрать порцию обоев со стены. Она упёрлась руками в холодную плитку, Ник вошёл сзади, медленно и аккуратно, одновременно схватившись за поручень для фиксации душевого шланга, чтобы не потерять ритм, если вдруг он поскользнется на мокром полу. Кира замурлыкала от удовольствия, ведь в нежном и медленном сексе было не меньше удовольствия, чем в страстном и грубом. Он медленно двигался внутри, выходя на всю длину и так же нето-

ропливо проникая обратно, это не давало им обоим быстро кончить, и позволяло сосредоточиться на каждом сантиметре ощущений. Ник гладил и ласкал её грудь, целовал шею и плечи, слизывал стекающие капельки воды, которые, находясь на ней, принимали необычайный вкус – растаявшего карамельного мороженого. Кира всем своим видом показывала, как глубоко она чувствует каждое движение. Она откидывалась назад, теряя опору, что бы запрокинуть голову ему на плечо и обхватить его шею насколько позволяла длина руки. Потом снова падала на стену, стараясь вытолкнуть ту, расширяя границы кабинки, будто им двоим, не хватало места или воздуха. Ник держал её за бедра, постепенно увеличивая темп, время нежных прелюдий истекло, и сейчас им обоим нужен был результат, хотелось скорости и ощущения постоянного движения. Он подхватил душ, так неудачно выпавший у неё из рук, и сдвинул головку распылителя в режим «трёхструй». Вода была достаточно горячей, и это добавляло остроты. Ник продолжал держать Кирины бёдра одной рукой, а вторую, вместе с душевым шлангом завел вперёд, книзу её живота, и направляя горячий поток прямо на обнажённую головку «фасолинки». Кира вскрикнула, но довольно скоро стон неожиданности сменился стоном наслаждения. Ещё в первые недели знакомства Ник узнал, об этой ее слабости к горячей воде, собственно, это порок всех более ли менее раскрепощённых девушек. И он всегда больше заводился, когда видел её такую. Кира реагировала по-

особенному, возбуждаясь сильнее, и практически мгновенно кончая, если он двигался достаточно быстро, а струя хотя бы несколько секунд попадала куда надо. Она старалась держаться, но ноги предательски подкашивались, а тело сводило от полученного блаженства. Кира стекла по стенке душевой кабинки, разворачиваясь к нему лицом.

– Прости, ты не успел, да. – это был даже не вопрос, констатация, но Нику было всё равно, ведь на Кирином лице была написана больше чем благодарность, и ему это всегда льстило.

– Что за глупости, малышка!?! Ты же знаешь – удовольствие женщины, главный комплимент для настоящего мужчины.

– А доставленное удовольствие мужчине – лучший аргумент «ЗА» любящую женщину. – Кира знала, что Ник совсем не обратит внимание на неприкрытое признание в этих словах. Не, потому что настолько глуп, просто типичный мужчина не сможет заметить даже слона, пока тот его не раздавит, и хорошо если он метафизический. Плевать, в конце концов, сейчас им хорошо, а с остальным они разберутся, со временем.

Кира поднялась на колени, заворожённо приблизившись к нему, в её глазах снова запылало то беснующееся пламя. И Ник подумал, что, наверное, так взрываются облака, поглощённые синевой неба.

Её рука схватила его за бедро, а вторая, проскользнув под

мошонкой, поднялась до поясицы, проведя пальцами вниз по линии между ягодицами, спускаясь к нежной коже яичек. Ник слегка напрягся, но в следующую секунду, полный блаженства отдался во властные не только руки своей госпожи. Губы Киры нежно сомкнулись на его головке, раскрывая кожу, одновременно со вздохом втягивая член внутрь и насаживаясь на него всей глубиной рта. Её руки продолжали массировать яички, и от этого действия – нервного щекотания, общий накал ощущений усиливался. Она проводила губами вперёд, практически полностью обхватывая всю длину, а потом возвращалась назад языком, словно закрученный по спирали лестничный спуск, лаская член. И это не было грубой или похабной «полировкой», нет. Кира сливалась с ним будто в глубоком и страстном поцелуе, и казалось, что не она ласкает член, а он нежно поглаживая и прижимая язык, старается доставить ей удовольствие. Конечно же, это абсурд, но так казалось со стороны, так подавала это действие Кира, как шеф-повар в ресторане, который получает удовольствие от того, с каким аппетитом будут вкушать его кулинарный шедевр. И она дарила ему этот шедевр, этот верх блаженства, лучшая и самая бескорыстная благодарность, на которую способна, отдающаяся тебе, женщина. Как Ник постоянно дразнил Киру то спадающим, то нарастающим темпом. Так и она, беззлобно мстя, доводила его до исступления своими перепадами. Постепенно Кира набирала ритм, и губы порхали всё быстрее, концентрируясь в районе наиболее

чувствительной головки, про остальную часть она тоже не забывала, помогая себе ритмичными движениями рукой. Ник не хотел, чтобы она останавливалась, не хотел заканчивать эту сказку с рейтингом «восемнадцать плюс», и одновременно больше всего жаждал финала. Он больше не сдерживался, волна жара прокатилась по всему телу, ища освобождения на конце наиболее уместной точки тела. В момент, когда оргазм уже накрыл Ника у основания члена, и стремился к выходу по семенному каналу, Кира, вдруг, в последний раз насадилась губами на всю длину, жадно проглотив его до основания. Он дернулся раз, другой, третий, удовольствие как будто изливалось из него, переходя в неё. Было сложно сфокусироваться, ноги так же предательски дрожали, как несколько минут назад у Киры. И сам Ник был переполнен бушующими эмоциями: удовольствие, растерянность, блаженство и расслабленность в одном блендере с удивлением, и необъяснимым, новым и приятным чувством подвластности этой женщине. Она выпустила его из своих «оков». В тот же момент Ника накрыло сквозящее разочарование, что блаженный миг ушёл, оставив лишь сладкое послевкусие воспоминаний.

– Как тебе, теперь мы в расчёте, милый? – она смотрела на него ехидно и торжествующее, понимая всю бесспорность своего триумфа.

– Боюсь, крошка, я теперь навеки у тебя в долгу. – тут Ник не кривил душой, сложно врать, когда тебя только что дер-

жали за яйца, но суть здесь была не в эпохальном фразеологизме. – Я всегда считал, что наш секс хорош, зачастую даже великолепен, благодаря тебе, ma Cherie...

– Ой, да, брось, ты не так уж плох, не скромничай. – Кира улыбалась и подтрунивала, от прежних обид не осталась и следа, ведь, что-то невидимое поменялось между ними, в те короткие минуты её властвования над «скипетром фараона» и она это чувствовала.

– Нет, я серьёзно! Сегодня, то, что ты сделала, то, что мы сделали, это был какой-то совершенно другой уровень, словно я до сих пор спускался только с детских горок, а тут меня кинули в жерло вулкана и в своём свободном полете я сгорал от удовольствия.

– Тебе надо меньше смотреть «Нэйшенел Джеографик», ты льстец и подхалим, мой льстец и подхалим. – она довольная повисла на нем, обвинив своими руками, прильнула губами в нежном и чувственном поцелуе.

Они постояли так какое-то время, обнимая, целуя, и умывая друг друга. Кира осталась в номере, приводить себя в порядок, навести марафет и прочие женские штучки. Ник, быстро собрав сумку, побежал на тренировку, командный автобус отправлялся вот-вот впритык по времени, но он знал, что без него всё равно не уедут. Правда с другими такое случалось, и не раз, на то они и привилегии лидера команды, то, что прощалось ему, редко когда спускалось другим. Ник старался не злоупотреблять оказанным кредитом

вседозволенности, и, как правило, полностью реабилитировал себя на площадке.

Ему повезло, тренера задержались в баре, то ли опохмеляясь, то ли за кофе пошли. Было интересно, мнили ли они себя профессионалами того уровня, что бы не отмечать прошедшую игру, и полностью сконцентрировались на грядущей. Или, как и их подопечные, устроили себе разгрузочный вечер с алкоголем, блэк-джеком и стриптизёршами. Вряд ли их жёны приехали, чтобы поддержать мужей, как многие девушки, которые, даже не являясь спутницами игроков, приехали болеть за команду.

Ник занял своё привычное место в автобусе, поприветствовал уже устроившихся однокомандников, почти все сидели в тёмных очках, скрываясь от полуденного солнца. Результат не самого профессионального отношения, о котором он уже пытался задуматься раньше, но в другом контексте. Он не мог их винить, у самого-то рыльце было отнюдь не в пушку. Ник только мог благодарить «утреннюю зарядку» с Кирой, за то, что не чувствовал себя овощеподобным зомби, как все остальные.

Кто-то из игроков поочередно глазел на часы, команде пора было выезжать, но из тренерского штаба в автобусе был только массажист Джереми, отвечающий за воду и полотенце на игру, и, вряд ли он имел власть распоряжаться отправлением. У него пискнул телефон, нарушив молчаливую тишину.

– Это от Тренера, пишет, что они с ассистентами, уже ждут вас в зале, давайте без опозданий, у них какой-то сюрприз. – Джереми положил телефон в карман штанов и оглянулся на команду.

Тишина оживилась, по автобусу пронесся довольный гул. Некоторые ребята стали переглядываться, оживлённо обсуждая, что за подарок их ждёт. Кто-то прочил новую экипировку, может спонсоры раскошелились на эксклюзивные расцветки кроссовок для команды в честь финала. Кому-то нравилась мысль о том, что для мотивации им дадут посмотреть на заветный трофей, где ещё не выгравировано имя победителя и толкнут очередную философски – напыщенную речь. Но большинство сходилось во мнении, что это будут ящички чемпионского шампанского, какого-нибудь коллекционного издания или вроде того.

Ник смотрел и слушал эти обсуждения с лёгкой улыбкой на губах. Естественно все эти идеи были абсурдным бредом, но почему бы ребятам себя не потешить, тем более каждый старался не думать о предстоящей игре и её важности, так какая разница, чем они забивали себе голову. Его больше волновали собственные переживания. В объятиях Киры он на какое-то время избавлялся от этого противного липкого чувства неправильности, или немного его притуплял, что-то тревожило его там – внутри. Но сейчас оно вернулось и, как плохой полицейский, маячило ослепляющим светом прямо в глаза. Больше всего Ника беспокоило то, что он чётко по-

нимал – дело не в игре. Сегодня он выйдет, и будет биться как никогда прежде, вне зависимости от исхода, положит все свои силы и умения ради долгожданной победы. Глупо было бы не ожидать от соперника такого же стремления, но Нику казалось, что у обеих команд достаточно мотивации, и исход решит большее мастерство одной из сторон. Попытавшись избавиться от докучавших раздумий, он воткнул наушники, включив случайный трэк в плеере:

«Пусть, дьявол на ухо шепнёт искушение.

Грехом, стремленье первым быть, я не сочту.

Продам и душу, лишь за воплощение,

Мечты, побед, короны, что ношу.

Она затёрта, в трещинах с шипами,

Ей проигравших венценосцев коронуют.

Чтоб на секунду с ним померяться местами,

Тебя в мгновение и разденут, и разуют.»

Первый выбор оказался неудачным, Ник нажал кнопку и виртуальная болванка переключила песню, продолжая отдавать предпочтение хитам Эминема:

«В углу затравлен зверь, и задыхаясь,

Он разозлён и дрессирован не сдаваться.

Его связали крепко, собираясь,

Оставить в грязной подворотне побираться.

Они ещё узнают его гнев,

Животного, что вырвалось из клетки.

И зарывав, начнёт игру голодный лев,

Костями недругов, что взяли его в сети...»

– Ник, подъем! Мы слышали, как ты ночью не выспался, но тренер просил без опозданий. – Кайл и Риз стояли над ним, дёргая за плечо. Он называл их «Терминаторами», да и не только он один, и всегда шутливо интересовался, как они собираются заделать одного ребёнка на двоих в будущем, чтобы спасти мир от судного дня.

– Вы за меня не переживайте, не я выгляжу как потрёпанная пластилиновая игрушка в руках детсадовской мелюзги. – он отмахнулся, выключив плеер и поднимаясь со своего места.

– Ники – Ики – Ник, алкоголь лишь притупляет боль, и даёт расслабление натруженным мышцам. Но любовь, любовь перед боем забирает силы. – Кайл валял дурака, заводя свою излюбленную шарманку и цитируя фразы из сериала «Спартак», в подростковом возрасте тот поднял в нём сексуальную революцию.

– А так же – дарует надежду! – поучительно подняв палец вверх вторил ему Риз.

– Хватит ездить мне по ушам! Вы наверняка подцепили кого-нибудь, а заодно и что-нибудь прямо в клубе. – пикировка продолжалась на улице и Ник чувствовал, что одному ему долго «не выстоять».

– Фи, что ты такое говоришь? – Риз начал корчить гримасы, на ярко выраженный гомосексуальный манер.

– Ты же знаешь, глупыш, в сердцах только мы друг у друга,

нам ведь ещё ребёночка мутить, апокалипсис и судный день, смекаешь? – Кайл не без удовольствия подыгрывал другу.

– Вы, право, отвратительны, господа, bravo, я капитулирую! – Ник решил дальше не ввязываться, тем более они уже подходили к спортивной арене и при входе под её своды должны были выглядеть серьёзно, вдруг их начнут фотографировать или облепят журналисты.

– С вами скучно, мой друг. По правде говоря, ты не так был далёк от истины. – начал свою историю Кайл, – мы познакомились с двумя сестричками, прямо у входа.

– Вариант был очень перспективный, сам понимаешь: алкоголь, всеобщая эйфория, темнота номера. Мы бы легко их раскатали с Кайлом, они бы даже не заметили подмены. А я бы мог до конца жизни хвастаться, что провел ночь с двойняшками, пусть и по отдельности.

– Риз, избавь меня от своих сексуальных фантазий, рассказывайте дальше. – Нику было интересно послушать, как продолжалась вечеринка, так как они с Кирой ушли довольно рано, относительно других.

– Вот и слушай и не перебивай! – Кайл подхватил историю товарища, – мы уже обжимались с ними в клубе, как навалились наши ребята. Слово за слово, стопка за стопкой, и вот сестрички уходят обиженные и обделённые вниманием, а мы остаемся ни с чем, в компании пьяных бессознательных товарищей по команде, с Шэрил, Кэмерон и Джулс. Ты же их знаешь, из группы поддержки.

– Как по мне три девчонки на вас двоих – не такой уж и «нисчемный» расклад, или я не прав? – Ник старался не лезть в разговор, но ребята слишком тянули с этой историей.

– Как всегда мой друг, как всегда – конечно ты не прав! – Риз продолжал ходить вокруг да около, словно ожидая разрешения от Кайла, – Мы не могли никак договориться, кому достанутся подружки, а кто будет с Шэрил.

– В итоге, Кэмерон ушла с Тайлером, а Джулс охмурил Влас... – Кайл выдержал драматичную паузу, – этот поляк может быть очень расторопным, когда дело касается женских прелестей.

– Так кому же досталась Шэрил? – Нику было все равно, он втайне радовался за скромного Власа, от которого действительно, никак не ожидал такой прыти.

– Мне! – ответил Риз.

– Нам! – поправил его Кайл.

– Шэрил!!! – это они уже произнесли хором с всё ещё хмельными улыбками на лицах.

Девушек из группы поддержки они знали давно, и держались, как правило, на расстоянии, в одну и ту же реку дважды не зайдешь, а в этих активисток – легко. Никто не хотел приземляться на заезженные аэродромы, но иногда, под влиянием изрядного количества спиртного или большой нехватки «посадочных мест», всё же давали слабину. Даже Ник, ещё до Киры, в первые свои два года в колледже, не раз грешил такими приземлениями, пару раз нарываясь даже на Шэрил.

Строго говоря, её совсем не обязательно так звали, как и любую доступную девушку на постсоветском пространстве, не обязательно звали – Настя. Но так было заведено в их команде. И если в обновлённом составе группы появлялась дама с подобной репутацией, парни просто окрещали её Шэрил. Это было своеобразным клеймом, и в то же время гарантом безотказного проведения вечера. Не смотря на всё это, общались они довольно сносно, частенько устраивая пьяные загулы на выездных матчах и в выходные вечера после домашних игр.

Они уже зашли в раздевалку, команда достаточно монотонно готовилась к тренировке. Некоторые переодевались, попутно разговаривая о вчерашнем дне, точнее ночи, на подобии того трёпа, что устроили Риз, Кайл и Ник. Остальные, зашнуровывая кроссовки, сетовали на возможность обновить обувь, будто выданная накануне турнира модель уже изнашивалась донельзя.

В раздевалку заглянул Джереми, хотя он обычно наоборот не покидал её до начала тренировки, разминая и растирая то одного, то другого игрока.

– Тренировка в тейпах, так что давайте быстрее, часть ко мне, часть к докам, они сейчас подойдут. Ник ты сам? – Джереми редко обращался напрямую к игрокам, стараясь минимизировать личный контакт.

– Да, Джер, спасибо, но свои лодыжки, я предпочитаю клеить в собственных руках. А ты не в курсе, с чего это брос-

ковая разминка, и в полной экипировке? Мы же собирались только пристреляться, и разобрать пару комбинаций. – Ник, безусловно, доверял компетентности медицинского персонала, но в свои пред матчевые ритуалы никого не допускал и не посвящал.

В целом их было не много: всегда тейповать ноги самостоятельно; на бросковую тренировку он приходил только в игровых кроссовках, чтобы зарядить их попаданиями; после тренировки неизменно съесть протеиновый батончик и запить всё апельсиновым соком – закрыть углеводное окно; поесть за четыре – пять часов до игры (голодный волк – злой волк); поспать после обеда один час двадцать семь минут – полтора часа и более это уже много, будет чувствовать себя разбитым, меньше – мало, недосыпание его раздражало; после принять холодный душ и взбодриться окончательно; полбанки энергетика и три капли «эндуруса» под язык; счастливые носки на ноги и вперёд в бой. У него, конечно, были и везучие лосины под шорты, и специальная шнуровка обуви (только наружу, если вы понимаете!). Но это не выглядело даже вполчину так странно как у других его товарищей по команде. Спортсмены суеверный народ, который не любит в этом признаваться.

– Увы, Ник, меня не поставили в известность. Тренер только просил передать про тейпы, и напомнить, что часики тикают. – Джереми быстро ответил и продолжил мотать ноги Кайла.

– Народ, а вы видели Кевина? – Влас, стоявший в очереди к доктору команды, окидывал взглядом раздевалку, проверяя, не проглядел ли он.

Холодным потом прошибло Ника по всему позвоночнику. «Твою налево, и направо, и наперекосьяк!» :подумал он, немного не теми словами, что тут зафиксированы. Ник должен был забрать Кевина, в конце концов, если бы не его амурные дела, тот вообще бы спал в номере, и все бы было хорошо. Он должен был взять его вещи, хотя бы. И не сделал ни того ни другого. А сейчас вся команда смотрит на него в немом вопросе, а он не знает, вообще ни черта!

– Я оставил его в холле этажа гостиницы, по крайней мере, думаю, что оставил. В номере со мной он не ночевал. – Ник не оправдывался, а пытался выстроить последовательную цепочку, может кто-то из игроков, смог бы его дополнить.

– Было бы странно, если бы крики, что доносились из вашего номера, принадлежали тебе и Кевину!

– Кайл, заткнись, мать твою, это не смешно, кто-нибудь знает, где он? Или звонил? – Ник начинал закипать, в основном, потому что сам должен был про это помнить или хотя бы озаботиться этим.

Тишина закупоривала собой пространство, сродни старому запущенному бидону, по мере заполнения которого, наружу выходит спёртый воздух. Решения не было. И времени тоже. Страшного ничего не случилось, для всех, кроме Ке-

вина, поэтому никого особо не заботило, как разрешится ситуация, собственно их собрали ради игры, а не переживаний из-за чьей-то не компетенции.

– Ладно, работаем по схеме «съел что-то не то за ужином». Кевин валяется в номере с несварением, пока позвать не успели, потому что он уехал с тренерским штабом. Это официальная версия, после разберёмся. При Тренере этой темы не касаться, по возможности, избегать прямых вопросов. – Ник больше не мог тянуть, пора было уже идти на площадку, поэтому «его правда» была не худшим вариантом, – Всем всё понятно?

В ответ такие же молчаливые кивания. За такое время они уже давно привыкли к разного вида отмазкам, от классических «несварений и задержек после занятий», до ещё более нелепых «болезней внезапных родственников или их приезда». Но Тренера нельзя было провести такой чепухой. Врать ему никто не хотел, да и чревато последствиями. Иногда, просто, не существовало другого выхода. В конце концов, они не были законченными эгоистами и последние несколько лет пахоты до тошноты, совместных взлётов и падений, сплотили и сблизили многих из них.

Команда собралась в центре, подняв и соединив руки в подобие плетёного купола, крикнула традиционную речёвку – не «голубо-белый самый смелый», но куда им до славянского креатива. Они вышли из раздевалки, до начала тренировки оставалась пятнадцать минут.

Ник обожал громогласную тишину спортивных стадионов до начала игр. Этот невысказанный рёв, нагнетаемый под сводами арены. Когда ты не слышишь, но уже ощущаешь звенящий шквал выплёскивающихся эмоций. Как завожжённый, смотришь на нарастающую волну цунами, нависающую над тобой в немом приговоре и готовую обрушиться на тебя в любую секунду. И все это тебе словно мерещится, лишь тишина предвестником неминуемого стучится в твоё сознание. Нику нравилось это чувство, он видел в своём воображении как, к вечеру, будут заполняться места предвкушающими болельщиками. Просыпается голос стадиона, сначала он слегка сипит, не промочив горло, после долгого сна, но со временем его тембр крепнет, частоты становятся всё ниже, в пульсации глухого баса, забираясь под паркет площадки, и там, набирая вибрирующее рычание в лёгкие, раскатываются волнами, накрывая и срывая со своих мест, беснующихся фанатов, в адреналиновом экстазе. Они скандируют: «MVP! MVP!», или просто орут и гудят, бешено топчя ногами, вызывая землетрясение где-то в Японии, и, порой, не понятно возносят они тебя, или жаждут твоего низложения. И Ник это обожал. Ему казалось, что он рождён для всего этого, как растение, открывающее свои лепестки для порции фотосинтеза. Он мог питаться, или заряжаться, как батарейка, только почуяв этот гул, или даже его трепетание на своей коже, мгновенно аккумулируя заряд статического электричества, гуляющего по кончикам волосков на руках.

Они вошли в зал, небольшое количество прожекторов освещало игровой паркет, остальное, многотысячное количество зрительских сидений, от их взора скрывала полутьма, но не от воображения. Тренер стоял в центре площадки один, рядом не было ни ассистентов, ни помощников, ни прочих прихлебателей, благоговейно целующих ему зад при случае, и тут же поливая его грязью в социальных сетях, зная, что он там не зарегистрирован. Он был Специалистом с большой буквы, игроки любили, боялись и уважали его, многим он был, как второй отец, некоторым даже больше. Его часто критиковали: за консерватизм, отсутствие корпоративной гибкости, принципиальность, граничащую с твердолобостью. Он лишь отвечал очередным чемпионским перстнем, одетым на средний палец. Тренер был умен и проныцателен, порой казалось, что тот видит игрока насквозь, каким-то своим «третьим глазом» или «шестым чувством», проникая глубоко под кожу и выжимая оттуда максимум, на который способен его подопечный. В нем удивительным образом сочетался опыт уважаемого пенсионного аналитика, энтузиазм молодого специалиста и маниакальная одержимость игрой. Последнее, больше всего подкупало Ника. Ему впервые повстречался человек, так же страстно желавший эту игру, как и он сам. Если бы они были ровесниками, то, скорее всего, стали бы лучшими друзьями, или наоборот, непримиримыми соперниками. И лишь обусловленные разницей поколений, они стремились доказать свою предан-

ность игре, каждый со своей колокольни, что зачастую приводило к естественно-природным противоречиям двух альфа-самцов. Тренер не редко выгонял его с тренировки, когда в пылу вышеупомянутых междоусобиц, они выходили за рамки повышенных тонов. И уже через несколько минут Ник приползал вымаливать прощения бессчётным количеством челноков, ускорений до посинения и прочих спортивных «поощрений». И пускай он не был согласен, и продолжал кипеть и злиться внутри себя – непререкаемый тренерский авторитет, никто не отменял.

Команда выстроилась полукругом перед Тренером. Он не поднял глаз, продолжая молча стоять, опустив голову и глядя куда-то под носки кроссовок и дальше вглубь площадки. Напряжение нарастало, пульсируя в такт венам на его висках. Игрокам хотелось отступить, или молча уйти в раздевалку, правда было некуда, да и поздно. Тренер поднял голову, с лица исчезла вся озабоченность или негодование, перестал хмуриться, на губах заиграла усмешка, глаза смотрели с иронией прожжённого старого лиса, в очередной раз, купившего «зелёную молодёжь» на излюбленный трюк. Ребят в раз отпустило, кто-то протёр выступивший пот, остальные тихонько выдохнули, хорошо хоть никто не перекрестился.

– Чего вы такие серьёзные? Никак любимого хомячка похоронили накануне. – шутки про похороны домашних питомцев, были самой слабой и несмешной чертой Тренера, но ему пришлось, у них просто не было другого выбора, – Зна-

ете, я долго думал, и понял, что был недостаточно искренен, или искромётен в своих вчерашних поздравлениях в честь нашей полуфинальной победы. Мне довелось работать с игроками разных талантов и способностей, но всегда удавалось объединить их вокруг одной – высшей цели. Но с вами я пошёл намного дальше, я наконец достиг...

Он махнул рукой в сторону проходной, и оттуда появились помощники с подносами и бокалами шампанского на них. Среди игроков пронёсся одобрителный или шуточный, но очень неуверенный ропот. Пока ассистенты раздавали бокалы всем присутствующим, Тренер продолжал:

– Того предела, к которому стремился, о котором даже не смел мечтать! И сейчас, оставив позади четыре чемпионских сезона, в момент моего величайшего триумфа, я хочу поднять этот бокал, и выпить с вами за победу в полуфинале чемпионата, ведь мы зашли так далеко, и поднялись так высоко, что о большем мы не смеем мечтать! – он опрокинул бокал, и ассистенты потянулись было тоже, Тренер предупредил их жестом.

Ник остановил Риза, который всерьёз воспринял, или не понял иронии в словах Наставника. Все замерли на секунды, созерцая как один из лучших специалистов современности, залпом осушает свою карьеру. В преддверии финала такую выходку ему не простят, и псевдо-подхалимы не упустят возможности макнуть его в лужу экскрементов, которую только что сами напрудили в щенячьем восторге.

– Тренер, мы не понимаем, это какая-то злая шутка? – Ник подал голос, понимая, что вызовет первую волну гнева на себя, но и продолжать этот спектакль больше не было смысла, случилось нечто непоправимое, и с этим стоило разобраться.

– Шутка ли? – Тренер посмотрел на него, отбросив опустевший бокал позади себя, осколки со звоном разлетелись по вылизанному канадскому клену, – Шутка ли, когда лучший игрок команды, накануне, как я думал, важнейшего матча в его студенческой карьере, упивается в хлам с безликой потаскухой на коленях!

– Она не... – Ник мгновенно завелся, и сжимая кулаки готов был броситься на защиту чести своей женщины, только не до конца осознал на кого.

– Закрой свою пасть! – Тренер схватил его за лицо, одновременно затыкая ему рот. Их глаза встретились, и Ник всё понял, дело было не в подобранных выражениях, и Кира была ни при чем, суть заключалась в профессионализме, о котором он так и не успел закончить рассуждать наедине с собой в автобусе, – Ты мнишь себя лидером этой команды, хочешь вести их за собой во время матча. Но куда ты завёл их вчера?!

– Тренер, нас никто не заставлял, это было личное решение каждого! – Влас хотел вступить, или немного отвлечь гнев Тренера, не понимая, что в данном случае был только один способ через это пройти – виновато молчать.

– Закрыли свои рты! – Он орал, почти не контролируя себя, но продолжал смотреть и держать Ника, – Мне плевать чьё это было решение, ты их не остановил, ты мог, но не сделал, более того – ты пошёл на поводу. И, мне насрать, что, чего и сколько вы выпили и кого перетрахали, если сейчас вы стоите здесь все вместе и готовы работать!

– Мы готовы работать Тренер, это не повториться! – Кайл и Риз совершили ту же ошибку хором, потянув в своём обещании за собой и остальных ребят, которые им вторили.

– Я не сомневаюсь, что вы готовы, вопрос только – все ли из вас?! – Тренер оторвал взгляд, окинув команду, и обведя всех вернул глаза уставившись на Ника, – Где Кевин? Всем молчать, отвечай!

Он отпустил Ника, с нажимом оттолкнув назад. Команда фигурально опустила глаза. Ник смотрел на Тренера, тот на него и в этих гляделках у игрока не было шансов.

– Мы не знаем. Я не знаю, Тренер, наверное, до сих пор в гостинице. – Ник все же сдался, опустив взгляд.

– Ты – нет, а я знаю! И да, он был в гостинице, только команды соперника. Приведите его! – Они как-будто репетировали, потому что стоило ему подать сигнал, как в ужасной фантазмагории, где два работника арены копиями выпроваживают загнанного льва, пара помощников чуть ли не пинками выводила Кевина.

Зрелище было так себе. Здоровый конголезец был с ног до головы обмотан и обклеен туалетной бумагой вперемеш-

ку с лейкопластырем. На обрывках бумаги встречались похабные надписи, его голова, с коротко подстриженным ёжиком волос, была раскрашена на манер всех цветов радуги. А на угольно чёрной коже лица, белым корректором или маркером с двух сторон был нарисован яркий мужской детородный признак. Кевин стоял молча, при всех своих внешних габаритах, за счёт аляповатого внешнего вида, он выглядел жалко и в его глазах стояли слёзы стыда и отчаяния.

– Он готов работать? – Тренер снова обводил их взглядом, не ища немого подтверждения собственной правоты, просто чтобы убедиться, что до них дошло. – А если не готов один, не готова вся команда! Тогда будем это исправлять, все на лицевою линию!

Игроки молча пошли занимать позиции, никакого хорошего сюрприза их больше не ждало. Ник подошёл ближе к Кевину, чтобы убедиться в порядке ли тот, но конголезец лишь отмахнулся, мол «не о чем говорить и давай позже».

Они пробежали первый отрезок, Тренер методично отмерял свистки, увеличивая количество рывков и уменьшая время на отдых. Затем прошла вторая серия. После нее третья. Игроки послушно отчеканивали линию за линией, как на безумном параде, вперёд по прямой, касание, разворот, снова прямая. Ноги вспарывали метры дистанции, наливаясь предательским свинцом усталости, руки отрезали сантиметры пространства, в такт, словно продираясь через густой тростник, в изнеможении разводя мерещащиеся стебли.

С каждым новым свистком, сигнал тренера звучал пронзительнее и громче, будто он высасывал остатки свежего кислорода, которого так не хватало угле-окисленным бегунам. Лёгкие отказывались наполняться, это было слишком тяжело, последние крохи энергии оставались где-то в ногах, запрограммированные подняться, сделать шаг, опуститься, повтор.

Тяжелее всего было Кевину, у него не было спортивной формы, ему приходилось бежать в мокасинах, которые он одел вчера в клуб, а они были ближе к туфлям, нежели баскетбольным кроссовкам. Довольно скоро модная обувь натёрла совсем не модные мозоли, и кровь, пропитавшись, стала оставлять следы на паркете. Его сняли с бегов, но легче от этого ни Кевину не партнёрам по команде не стало.

– Пожалуйста, хватит! – у Ника не хватало дыхания на большее количество слов, после очередного челнока, многие уже лежали на полу пытаясь, схватить ртом воздух, или просто ноги не держали, – У нас игра!

– Должен был сказать вчера ты! Но ты этого не сделал! И сегодня команда сделает за тебя то, что ты вчера сделал, а точнее не сделал для них – не остановится! Вперёд! – Тренер дал свисток, и они снова побежали, кто-то ногами, кто-то, поднимаясь и помогая себе руками.

Сначала ты бежишь первый, выкладываешься, доказываешь, что способен держать удар. Затем сил становится меньше и ты стараешься держаться наравне со всеми. По-

том проходит пара ускорений, и ты замечаешь, что бежать легче, если не оглядываться на других. Постепенно дорожка на твоей дистанции сокращается, становится уже, мелькая лишь на кончике носа, концентрируясь на отметке контрольных линий. И когда ты приходишь до собственного предела, то уже не видишь где бежишь. Только звук падающих на пол кроссовок, бах – шаг, бах – еще один, отмерял тридцать разворот, потому что слишком сложно держать глаза открытыми, да и зачем, если ты двигаешься по прямой, а вот чтобы оторвать обувь нужны усилия. В самом конце, перед тем как отключиться, ты становишься похожим на, шагающего в свежем-залитом цементе, недотёпу с усердием выдирающего свои увязнувшие ноги.

Ник точно не помнил, кто из них упал первым Кайл или Риз, они бежали слишком далеко от него. Влас держался молодцом, старался не отставать, якорем повиснув на хвосте, но и он со временем стал спотыкаться все чаще. Ник упал на две площадки позже него, когда он пытался встать, кто-то из ребят еще бежал, человека четыре, наверное, точнее он не видел, остальных уже приводили в чувство, потихоньку оттаскивая с площадки. Тренер, что-то кричал, его тоже пытались успокоить, он даже дошел до Ника отодрав того с земли и заставляя бежать дальше. И ему удалось. Ник полу пролетел, полу прополз пару шагов и окончательно рухнул на паркет, глаза предательски не открывались, а в голове все вертелись строчки из старых военных стихотворений, кото-

рые он когда-то учил в детстве. Будучи из разных произведений одного автора, сейчас, они, как никогда, подходило к сложившейся ситуации:

«И он привстал, от хромоты страдая,
Разбитое железо волоча,
На раненую ногу припадая.
Вот здесь он, всё ломая, как таран,
Кругами полз по собственному следу
И рухнул, обессиленный от ран...»

...

Солдаты, отодрав с земли,
Того, другого унесли,
Локтями молча тыча,
В его кричащий рот!»

Ник уже не кричал, да и не ассоциировал себя с тем солдатом, его вообще расстреляли в конце стихотворения. Может тогда ему казалось это не таким уж и плохим выходом. Он позволил оттащить себя в сторону, повиснув на руках, кого-то из персонала. Ник думал, что противное ощущение, испытываемое накануне, было предвестником этих событий, и, наверное, хорошо, что сейчас это закончилось. Казалось, что всё пройдет, когда он откроет глаза, вот только они не открывались, ох, как же он ошибался.

ГЛАВА 2. СЕЙЧАС.

«ЗАБРОШЕННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ»

*« В порванных джинсах, зелёных соплях,
Умывшись, стекавшей кровавой слезою.
Он через удары вырослел на глазах,
И надших врагов оставлял за спиною.
Порою, споткнувшись и рухнуть возможно,
Стесать себе руки, увязнувшим в грязи.
И будет подняться тогда очень сложно,
Чтоб из людей снова выбиться в князи. »*

Это был даже не сон – воспоминание. В последнее время оно приходило к нему тем чаще, чем Ник пытался от него убежать, забываясь на дне бутылки спиртного, или объедаюсь бессчётными обезболивающими, каждое из которых действовало все слабее, продолжая добивать и без того выживающую печень. Иногда он засыпал прямо в кресле или на диване, уставившись в пустоту, порой до рези в глазах затирали голубой экран телевизора с бесконечными спортивными трансляциями. Ник вырубался в коридоре, если не мог доползти до кровати, или просто терял сознания на пути к белым простыням, подушкам и одеялу, от умопомрачительной смеси алкоголя и таблеток. Тогда-то этот сон его и настигал. Воспоминание врывается в его сознание каждый раз, стоило ему закрыть глаза, словно навязчивая картинка, отпечатанная на внутренней стороне его век.

...

Нику было почти шесть, когда Майкл Джордан, вернувшись в баскетбол, шёл за своим четвёртым титулом. Он был ещё слишком мал, и мама редко брала его с собой на тренировки, а отец категорически запрещал смотреть финальную серию, которую впервые транслировали в прямом эфире по отечественным каналам. Но уже тогда для Ника это было слабым препятствием. По ночам он пробирался в родительскую комнату, их старой двухкомнатной квартиры, которая одновременно служила и гостиной, а по вечерам спальней. Разворачивал дефицитный на то время, цветной импортный телевизор в сторону, что бы свечением экрана не разбудить старших, выключал звук и смотрел. Ник любовался игрой Его Воздушества, жадно впитывая каждое движение и финт. Он восхищался атмосферой, которую великий баскетболист создавал на площадке, будто умелый престижитагор, вытаскивающий очередной козырной туз из своего рукава. Джордан подчинял себе партнёров, как однополярные магниты они обтекали его, подстраиваясь под его движение, беспрекословно передавая ему отрицательно заряженный мяч. И тот идеально ложился в его руку, словно подогнанные сочленения безукоризненного механизма, являясь продолжением друг друга. Восторгу Ника не было предела, наверное, поэтому, всегда просыпавшаяся от непонятных шорохов мама, видя всепоглощающее счастье на лице ребёнка, переворачивалась на другой бок, блаженно засыпая. Со временем смирился и папа.

Именно в тот год Ник уговорил маму, наконец, взять его с собой на тренировку. Она работала детским тренером при профессиональном клубе, набирала перспективных малышей, обучала основам техники ведения, броска, защиты, прививала стойкие моральные принципы и – передавала дальше, когда ученики «перерастали» учительницу. Только спустя годы Ник понял, насколько его мама была талантливым специалистом, возможно, стала бы даже величайшим из всех, с кем ему приходилось работать. Если бы не амбиции, точнее их отсутствие. Ещё точнее – неуверенность в способности их реализовать. Он и она это прекрасно понимали, и довольно часто обсуждали, позже, когда Ник стал постарше, и научился ведению без зрительного контроля. Мама не любила конфликтовать, была слишком воспитана для кулуарных разговоров, прямолинейна до жестокости и терпеть не могла прогибаться перед начальством. Она была добросовестным, честным, прекрасным работником, только такие редко когда забирались высоко вверх по карьерной лестнице. Ник считал её тренером от Бога, и не из-за кровного родства, жаль, что у неё так поздно получилось в это поверить. Но в тот год он впервые пошёл с ней на тренировку.

Тогда мама не мыслила взрастить из своего чада новую звезду современного баскетбола и в её группе тренировались ребята на три-четыре года старше самого Ника. Она просила его потерпеть, уже в следующем году у неё забрали бы эту группу и дали набрать ровесников сына, но как это можно

было объяснить ему? Ребёнку, который, прибежал на тренировку за два часа до её начала, потому что отец приходил с работы раньше, чем Ник должен был бы уйти, и мог увидеть, что сын утащил с собой его дорогушие, и совсем не подходящие тому по размеру, кроссовки. И все только потому, что они идеально подходили под чёрные шорты и зелёную майку с Майклом Джорданом на груди, и такими же, в цвет футболки, носками. Ника совсем не смущало несоответствие размеров обуви. Он взял свои старые детские кроссовки, а отцовские обул поверх, для «лучшей фиксации голеностопа», так всегда говорили комментаторы, характеризуя именные «спортивные ботинки» баскетболистов НБА. Естественно это было полным провалом. Столько смеха и недоумения Ник ещё не вызывал в своей жизни, а это были ребята постарше, но все равно дети, которые бывают очень жестоки. Вакханалия с «улучшенной фиксацией» и двумя парами обуви на ногах закончилась с приходом мамы, которая не церемонилась с задирами, но ещё меньше – с собственным сыном. Потом началась тренировка.

Большого разочарования с унижением Ник не испытывал. Все упражнения он заканчивал последний, если, конечно, успевал. Когда остальные ребята легко вели мяч, у него он вечно убегал, попадая в ногу и укатываясь за пределы площадки. Нику ни разу не удалось забить его в кольцо, даже докинуть было проблематично. Все складывалось не так, как представлялось в начале: мальчишки, которые были яв-

но слабее Джордана, и соответственно, слабее него (потому что ему удалось изучить все игры и движения лучшего баскетболиста всех времён и уже почти его превзойти), с лёгкостью его обыгрывали, обходили в два счёта и забивали, так уверенно и просто. В какой-то момент Нику показалось, что он просто смотрит плохой фильм. Там все бегали быстрее, прыгали выше, и водили мяч лучше, в то время как ему оставалось лишь провожать взглядом мелькающих мимо игроков, которые были состоявшимися баскетболистами в большей степени, чем он. Когда в конце тренировки начались игры в пятёрках, все стало только хуже. Нику ни разу не дали в руки мяч. Он открывался и подбегал к игрокам, жестикулируя, как его кумир, что бы партнёры обратили на него внимание. Но те лишь снисходительно смотрели на мелкую выскочку, и убегали в противоположную сторону. В те редкие моменты, когда ему удавалось дотронуться или выхватить неожиданно скачущий мяч, кто-нибудь неизменно подбегал, отбирал его, отгалкивал мелюзгу в сторону и уходил в атаку. Ник падал на пол, крича о нарушении правил: «Фол! Фол!», а затем бежал к маме.

– Он толкнул меня, ты видела?! Это же фол! Почему ты не свистнула?!

– Фол на игроке собственной команды не считается за нарушение. – она даже не смотрела на него, держа свисток наготове и внимательно следя за игрой, которая без участия Ника не терпела существенных изменений.

– Но это не честно, мама, скажи им! – он был по-детски возмущён, и расстроен, его мечты о баскетбольном величии рушились на глазах.

– Здесь нет мамы, называй меня либо по имени отчеству, либо «Тренер», ты играешь, или идёшь домой?

– Да, ма..., простите, Тренер, играю.

На глазах наворачивались слёзы, где-то в глубине разрасталось не бессилие или отчаяние, а нечто новое, звучащее отголоском неслыханных страданий. Тогда он не знал, что так стучит разбитое сердце. Ник вернулся на площадку, где по-прежнему бегали мальчишки в тёмных и светлых майках, отбирая друг у друга мяч и пытаясь забить его в кольцо. В одном они с Джорданом все-таки были похожи. Вот только партнёры по команде обтекали Майкла, когда тот был с мячом, не мешая ему завершать атаки, а Ника они просто оббегали, как навязчивую стойку, оказывающуюся под ногами, даже не думая доверить ему главный баскетбольный инструмент.

Тренировка подходила к концу. Игра близилась к своему логическому завершению. Ник устал, в основном от бессмысленных перебеганий, с одной стороны площадки на другую, и дешёвой имитации собственной защиты и нападения. Тренер дала свисток об окончании игрового времени, но счёт был ничейный и ребята наперебой просили доиграть до «последнего забитого», чтобы выявить победителя. Они снова заняли место у центрального круга, мяч подбросили,

разыгрывая первого владельца атаки. Он вяло побрел в защиту. Кто-то из мальчишек оттолкнул Ника в сторону, когда его игрок получил мяч для решающего прохода под кольцо. Соперник вычленил самое слабое звено в защите противника и бил именно туда. Почти наверняка Ник не справился бы со старшим и более сильным оппонентом. Но он упал и пока, другой парень защищался вместо него, старался увернуться от мелькающих над его головой ног и подняться с пола. Время на атаку истекало, и игрок команды соперника пошёл под кольцо, не рассчитав, или не заметив маленького сопляка, барахтающегося на паркете. На Ника налетели на полном ходу, в раз вышибив весь воздух из лёгких, теперь они уже упали вдвоём, в то время как подхватившие потерянный мяч, однопольчанине уже неслись в атаку. Он подорвался с пола и, опередив своего паркетного визави, побежал следом за всеми в нападение. Парень из его пятёрки закончил ведение и сейчас не знал, кому отдать мяч, защитники накинулись со всех сторон, отрезая ему возможные линии передач партнёрам. Только на Ника никто не обращал внимания, словно и не рассчитывая, будто он может представлять угрозу, уверенные, что тот даже не поднялся с пола. Ему и возразить было нечего. Он стоял в стороне, только войдя в трёхочковую зону, и пытался привлечь к себе внимание, махая руками и крича: «Пас! Пас!», но тщетно. Ник уже был готов прекратить собственные потуги, как вдруг, товарищ по команде повернулся к нему, и с немислимим испугом на лице вы-

кинул мяч в его сторону. Это даже передачей нельзя было назвать. Мяч просто отшвырнули «в ту степь», в надежде, что он лучше выйдет в аут, чем попадет в руки к этому недоделку. Но Нику было всё равно. Он сместился и выхватил уходящий мяч, а затем, пока опешившие защитники и все остальные провожали его взглядом, сделал удар по направлению к кольцу и со всей силы выпустил его в ту сторону, под громогласное: «Только не бросай!». Спалдинг ТФ-1000, а это был именно он, и с тех пор Ник ещё никого так сильно не любил, взмыл вверх, словно пушечное ядро, набирая высоту, но не вращение. Короткий полёт, как миг, когда проносится вся наша жизнь, секунда длинной в вечность. И попадание точно в цель. Звучит свисток, Тренер поднимает руку, подтверждая окончание матча. Мальчишки срываются со своих мест, даже те, кто сидел и не участвовал в игре, все подбегают, поздравляя Ника. Расстроенный соперник молча провожает эту процессию взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.